

1

Майк

Впервые я выпил мочу на пожарной лестнице одного из домов с фасадом, выходящим на центр Лос-Анджелеса. В ходе исследования границ личных сексуальных пристрастий моя (на тот момент) подружка, а в данный момент жена Сона спросила, пробовал ли я когда-либо пить мочу другого человека, и я ответил отрицательно. Это было чем-то, к чему я не прикалывался, но откуда мне было знать, если я этого никогда не пробовал?

Мы тусовались на балконе пожарной лестницы ее двухэтажной квартиры: она сказала, чтобы я снял одежду и лег на решетку пола. Его холодная сталь впивалась в мою обнаженную спину, в то время как она присела на корточки надо мной. Сона стала отливать мне на грудь, двигаясь в сторону рта. Я слышал, как ее «золотой дождь» брызгами разбивался о тротуар внизу. Позже Сона попробовала мою мочу за кулисами во время нашего концерта с No Use For A Name / Никчемность Названия/. До выхода на бис я отправился с Тони Слаем из No Use в туалет нюхнуть кокаина. Мне нужно было пописать, однако в тот момент, когда я нацелился в унитаз, Сона встала на колени и открыла рот. Тони,

ВАННА С ГЕПАТИТОМ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

понаблюдав за тем, как я перенаправляю струю, произнес: «Ребята, вы прямо созданы друг для друга, не правда ли?»

На самом деле моча не такая плохая на вкус: уж точно лучше, чем виски, и (по крайней мере у Сома) она по вкусу напоминает крепкий чай улун.

Однажды Сома заставила меня попробовать мою собственную мочу — она была горькой и ужасной из-за всего того говна, которое я засовывал в себя. В результате нашей сделки Сома оказалась не в самом выгодном для нее положении.

Как и многие из тех странных вещей, которыми мы занимались, это занятие не возбуждало, с традиционной точки зрения. Конечно, элемент доминирования и подчинения был суперкрутым, но пить мочу, в большей степени, было связано с самой сутью панка — заниматься тем, что тебе не дозволено. Во время концертов, пока я допивал свою обычную водку с содовой, а наш барабанный техник Джей замешивал мне новый дринок, Сома перехватывала его, садилась на корточки за моим усилителем и готовила мне свой «фирменный коктейльчик». Жена Эль Хефе как-то увидела ее за этим занятием, отвернулась и перешла на другой край сцены. Я рассказывал, что находилось в моем стакане, и толпе передо мной, и нашим друзьям на сцене, но мне никто не верил... пока они не делали глоток.

Побочный эффект от постоянного раздвигания границ привел к тому, что где-то по дороге сломался мой «Барометр Странностей». После шока от того, что ты пил чью-то мочу, пить ее четвертый или пятый раз уже не является странностью. Тем не менее это продолжает быть диковинкой для большинства не пьющей мочу публики. Поэтому мое видение того, что является «ебнутым», а что приемлемо для обсуждений в разношерстной компании, несколько искажено. Я рассказывал некоторым о том, как я связал одну девочку и подоил ее, на что мне сказали: «Да ты ебнутый!» Мне пришлось поразмышлять, что, может, я перешел черту — либо в моем поведении, либо в выборе историй, которыми я делюсь с окружающими людьми.

Судите сами. NOFX отыграли концерт в Англии, и один из членов нашей команды привел подругу на это представление. У нее только родился ребенок, и мы стали говорить о кормлении грудью, а затем разговор развернулся (всегда есть такая тенденция, если я участвую в нем) в сторону причуд в сексе. Девчонка рассказала мне о своей фантазии: она хочет быть связанной в сарае, и чтобы ее подоили, как корову.

Как мать-одиночка, она так долго была заключена в стенах своего дома, что это казалось ей полным отрывом. Я попросил Джея прихватить немного веревки, технологический скотч и мою «специальную» сумку из автобуса. Я сказал девушке, что, если она хочет пойти на это, мы можем встретиться в нашей раздевалке через пятнадцать минут.

NOFX

Спустя пятнадцать минут — тютелька в тютельку — раздался стук в дверь гримерки.

Я положил ее на стол лицом вниз и связал по рукам и ногам, как хрюшку. Ее сиськи свисали с края стола, чтобы они выпирали, я обвязал их веревкой. Затем вставил ей кляп и начал доить. До этого я ничего такого не делал, и мне пришлось вынуть затычку, чтобы она объяснила, как нужно правильно сжимать и тянуть. Немного сноровки — и молоко потекло в пластиковый стаканчик, куда я добавил немного льда и водки. Это был мой первый свежевывжатый «Белый русский» из соска.

Сделав пару глотков, я заставил ее выпить чуть-чуть. По вкусу это было отвратительно! Но, насколько вы, наверное, поняли, дело было далеко не во вкусе.

Позже, в гастрольном автобусе я рассказал группе о моем вечере. Я ожидал, что они врубятся в рассказ о Белом Русском Человеческом Удое, но вместо смеха и улыбок я получил косые взгляды и удивленные брови. Парни сказали, что мне, наверное, стоит держать эту историю при себе.

Ну, а вот и мы.

* * *

Мои родители отвели меня на порнофильм, когда мне было четыре года.

Это были ранние 70-е, поэтому порнуху еще крутили в приличных кинотеатрах. Одним солнечным калифорнийским полуднем мы зашли в такой кинотеатр на бульваре Вентура рядом с кегельбаном «Топанга боул». На экране торчал трактор, а потом был половой акт в деревенском стиле, но я, конечно, ничего не понял из-за своей неопытности. Думаю, что мои родители стали чувствовать себя неудобно, и мы ушли как раз в тот момент, когда зрелище стало интереснее.

Больше мы об этом не говорили, и я никогда не узнаю, почему они решили, что это было хорошей идеей. Тем не менее это одно из немногих воспоминаний о моих родителях, когда они были еще женаты.

Мой отец был коммивояжером, торгующим обувью, проводившим в дороге большую часть времени, поэтому вряд ли была какая-либо разница между тем, как часто я его видел — до или после того, как родители разошлись. Он переехал в многоквартирный дом для бездетных жильцов, но я проводил время у него каждые вторые выходные. Он играл в волейбол, пил, курил траву с друзьями рядом с бассейном, а я сидел внутри и смотрел на морские водоросли-гуманоиды в телесериале *Night Gallery*. Такие были у меня выходные с папой.

Годы спустя, когда мне было уже за тридцать, он сказал, что никогда не хотел, чтобы я к нему приходил. Он много и тяжело работал всю неделю, и ему нужно было время для того, чтобы тусоваться и трахаться. Меня

ВАННА С ГЕПАТИТОМ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

«приглашали» только потому, что моя мать настаивала на том, чтобы он проводил со мной время. Вдруг все встало на свои места: и почему мы никогда не чувствовали ту близость, и почему у меня всегда сохранялась определенная неприязнь к нему, которая так никогда и не рассеялась. Меня никогда не обижали и не били. Меня просто игнорировали. Но могло быть хуже...

Я провел большую часть своего детства в квартире моей мамы в Беверли-Хиллз. В целях соблюдения точности хочу подчеркнуть, что есть Беверли-Хиллз — весь из мегаусадоб и спортивных автомобилей европейских марок, — и есть также Флэтс оф Беверли-Хиллз, район к югу от Бульвара Уилшир, где проживали все те, кто убирал и чистил эти мегаусадобы и парковал спортивные автомобили европейских марок.

Моя мать устроилась маникюршей и перевезла нас во Флэтс с тем, чтобы я попал в хороший школьный округ и имел контакты с представителями верхней прослойки в надежде на то, что уж какие-то уровень и утонченность передадутся мне. Как потом оказалось, преуспевающие родители с другой стороны Уилшира приветствовали возможность для своих детей возвращаться в обществе низшего класса, подсознательно намекая им: «Работай больше, а то закончишь маникюршей!»

Это были симбиотические взаимоотношения, что позволяло существовать удивительному отсутствию дискриминации по классовому признаку. Я никогда не чувствовал себя не на своем месте или чтобы на меня смотрел сверху вниз кто-то из других детей, потому что барьеров между нашими жизненными зонами не существовало. В какую-то из ночей я мог остаться ночевать у своего кореша, где четверо его родных братьев и сестер могли спать в одной кровати, а на следующий день остаться ночевать в усадьбе, где до этого принимали иранского шаха в качестве гостя. Это было нормой.

У моего друга по имени Эдди Мэчтингер был лифт в отдельном доме. Он ждал, когда придет уборщица, а потом отключал питание всего дома, оставляя тетку в ловушке. Творить такое можно, только если тебя воспитывают в Беверли-Хиллз.

Летом меня отправляли в лагерь за компанию с такими детками, как Джош Бролин, братьями Нэльсонами и их сестрой, Трейси (из шоу *Square Pegs*), а также парнишкой, который играл Вилли в *Little House on the Prairie*. Как это ни странно, все это началось в престижном горном ранчо, расположенном в горах Сьерра-Невады. Именно там я столкнулся с панк-роком.

Мои родители непреднамеренно вырастили меня музыкально безграмотным. У них было аж два альбома: *Whipped Cream & Other Delights* Херба Алперта и саундтрек к *Funny Girl* Барбары Стрейзанд. Они даже никогда не слушали их. Мне кажется, они у них были только для того,

NOFX

чтобы казаться нормальными, когда к ним приходили друзья. Я даже про «Битлз» услышал только в колледже.

Помню, что первой музыкой, заинтересовавшей меня в пятом классе, был саундтрек к *The Rocky Horror Picture Show*. Я поймал его по кабельному телевидению, и когда фильм повторно вышел в эфир, я приложил к спикеру телевизора магнитофон и записал все целиком. Я слушал эту запись сотню раз, снова и снова, а также ходил несколько раз на живое выступление в Голливуде (и один раз в Сент-Луисе достаточно случайным образом).

К моим двенадцати годам папаша повторно женился, и у меня появилась новая сводная сестра-милашка. Поэтому, когда я оставался дома у отца, за ней приходил присматривать его семнадцатилетний сосед. Сводная сестра ставила мне Rush, Led Zeppelin и Black Sabbath; она приколотла меня к идее, что можно просто развалиться на диване и слушать музыку просто ради музыки! Она также приготовила мне мой первый настоящий дринок: Kahlúa с молоком. По вкусу — как шоколадное молоко! Вот реальный напиток, чтобы превратить ребенка в алкоголика.

Давайте вернемся обратно к судьбоносному введению в панк.

Итак, место: Маунтен Медоу Рэнч в Сюзанвилле, Калифорния. Время: лето 1981 года.

Каждую неделю в лагере устраивали танцы, и диджей (я позже узнал, что его зовут Джо Эскаланте из группы the Vandals /Вандалы/) крутил обычный дискотечный ширпотреб. Но однажды вечером ему удалось подсунуть «Who Killed Bambi?» Sex Pistols и «Beat on the Brat» Ramones. Я уж не знаю, что такого особенного было в этих песнях, но, возможно, только потому, что они так разительно выделялись на фоне Donna Summer и Bee Gees, по прибытии домой в конце лета я сразу же отправился в пластиночный магазин Rhino Records и спросил продавца: «Вы знаете песню под названием «Бей нахала бейсбольной битой?»» Он усмехнулся и продал мне первый альбом Ramones на кассете. Честно говоря, я действительно любил только три или четыре песни на нем, но их панк по-настоящему вставлял!

Вскоре после этого случая мой друг и лифтовый диверсант Эдди Мэчтингер встретился со мной, чтобы сходить в кино. После того как мы благополучно вышли из предела слышимости моей мамы, он сказал: «Знаешь что? Давай посмотрим, как играет одна группа. Я уже их слышал, они действительно здорово вонзают». Таким образом, вместо того, чтобы сесть в автобус до Вествуда, мы поехали в Голливуд, чтобы увидеть группу Killing Joke /Смертельная Шутка/ в клубе Whisky A Go-Go.

Так как прежде мы никогда не ходили на панк-шоу, ни он, ни я не имели ни малейшего представления, что ожидать. Мы пришли слишком рано и вошли в клуб сразу, как только открыли двери. Затем поднялись на балкон, заказали в баре картофель фри и колу, расположившись за столиком в дальнем углу.

ВАННА С ГЕПАТИТОМ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Что касается первых таких концертов, то скажу, что этот — точно был странным. Группа Community FK разогревали толпу и были ужасны, но мы выстояли в ожидании хедлайнера.

Ничего подобного Killing Joke я ранее никогда не слышал! Они молотили беспощадно и пиздец как громко! Танцпол буквально ходил ходуном! В то время я не догонял, что это значит; СМИ тогда еще не трубили о слэм-танцах на каждом углу (по крайней мере, те средства массовой информации, на которые я тогда обращал внимание). Эдди хотел спуститься в центр столпотворения перед сценой. «Без меня!» — прокричал я. Однако он все равно спустился на танцпол и оказался в самом пиздарезе образовавшегося мош-пита. В ту ночь кореш круто оторвался.

А я тем временем конкретно обосрался. Пока не было Эдди, двое скинхедов встали прямо позади меня. Они затягивались сигаретами и специально медленно выдували дым мне в затылок, пытаясь привести малолетку в ужас. Это, блядь, сработало! Нам по 14 лет. Мы тусуемся в Голливуде после полуночи. И мы окружены стремными чуваками, которые с разгона врезаются друг в друга, как безумцы. Помимо этого мы выделялись в клубе, как белые вороны: я был одет в шорты и розовую рубашку поло «Izod» (думал, что иду в чертово кино!).

Это было реально, страшно реально и совсем некомфортно. Вполне естественно, что, когда Эдди позвонил мне на следующей неделе и сказал: «Там другая группа будет играть, называется X», я сразу же согласился посетить клуб Whisky еще раз.

Мы объявились в то же самое время, сели за тот же стол, и сделали аналогичный заказ: фри и «Кока-колу». Но на этот раз я надеялся, что впишусь в окружающую обстановку немного лучше, и надел вместо предыдущей голубую рубашку «Izod» и проткнул булавкой маленький логотип аллигатора.

Вот как все это начиналось! Теперь я ходил на концерты все время, скупал все подряд записи в магазине Rhino, а также приобрел значок PiL, чтобы скрывать маленькую лошадку на моих рубашках поло. Не то чтобы я понятия не имел, кто или что такое «PiL», но, будучи тотальным позером-выпендрейником (меня так обзывали много раз), я просто брал нависящую информацию из реплик людей, которых я видел на концертах, и старых панков в моей школе.

Я купил майку Buzzcocks /Оживленно Обсуждаемые Хуи/, но никогда до этого не слушал Buzzcocks. Я купил майку Dead Kennedys /Мертвые Кеннеди/, также никогда не слышав о Dead Kennedys ранее. При этом сама музыка была почти второстепенной. Да, я любил наблюдать за X на сцене и их зрителями, но в них больше привлекал посыл: отношение к жизни, сумасшествие толпы и насколько опасным все это казалось.

Именно эти важные вещи заставляли меня туда возвращаться, а не PiL! Как раз они были ужасной хуйней.

2

Смэлли

Если проследить мою родословную со стороны мамы, в конечном итоге мы окажемся в Северной Ирландии, в небольшой рыбацкой деревушке под названием Калдафф на рубеже XX века. Легенда гласит, что мой прапрадед владел флотом рыболовных судов и был королем всех придурков города. Англичане (большие выдумщики по части доебывания к ирландцам) решили, что будут забирать часть ирландского рыболовного улова, чтобы кормить верных подданных Королевы. Это оставило город без достаточного количества пищи.

Мой прапрадед перестал зарабатывать деньги, но продолжал платить работникам из своего собственного кармана с тем, чтобы они не голодали. Он делал так, пока полностью не сел на мель. Потом он убил себя.

Два поколения спустя мой дедушка эмигрировал из Ирландии в Канаду, пошел на службу в канадскую армию и, в конечном итоге, во время Второй мировой войны на линкоре направился к французскому портовому городу Дьеп. Этот рейд был экспериментом «союзников» — Объединенных вооруженных сил, чтобы понять, смогут ли они захватить и удерживать крупный, оккупированный нацистами порт перед запуском более крупных военных операций, таких как в Нормандии.

Однако немцев предупредили, а союзники не были к этому достаточно готовы. Мой дед был в первой волне наступательных действий. Ему удалось преодолеть пляж и войти в город, но там его снял снайпер.

ВАННА С ГЕПАТИТОМ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Пять тысяч канадских солдат штурмовали Дьеп; 3367 из них были убиты или ранены. Мой дед получил 14 огнестрельных ранений, был ранен осколками и, в конечном итоге, пробыл в немецком лагере для военнопленных в течение двух лет.

Но он выжил. Добрался обратно до Канады, был награжден дюжиной медалей и женился на моей бабушке — шотландской иммигрантке, которая выступала в качестве одной из танцовщиц канадской версии Объединенных организаций обслуживания вооруженных сил (службы развлечения солдат). Дед был большим, веселым парнем, который любил выпить и прегромко топтать при ходьбе, как Франкенштейн, из-за своего стального бедра, расхуяренной ноги и из-за полного отсутствия левого колена. Умер он в начале пятидесятих годов, когда его травмы наконец-то напомнили о себе в последний раз.

Это была семья со стороны мамы. Мой папа не говорит много о своей семейной истории, так что его сторона в большей степени покрыта завесой тайны. Отчасти я могу понять почему, основываясь на тех историях, которые я все-таки смог собрать воедино.

Моя сестра как-то слышала историю о том, как отец моего отца отвел моего папу и его брата днем в кинотеатр. Усадив их, он сказал: «Не двигайтесь, я вернусь позже». Он так и не вернулся. Мой папа и его брат были настолько напуганы дурно обращающимся с ними отцом-алкоголиком, что они просидели в креслах в течение нескольких часов. Мой папа даже не хотел покидать свое место, чтобы пойти в туалет. Никто не знает, как долго он сидел там в луже собственной мочи.

Я знаю еще одну историю, исчерпывающую тему моего дедушки: он был забит до смерти в драке, в баре, когда моему папе было десять лет.

Мать моего отца была милой старой леди, которая баловала меня постоянно, она даже как-то отмазала меня, когда я попал в аварию на ее автомобиле (это случилось еще до того, как я получил права). Но она тоже была алкоголиком, да еще и барахольщицей в последние годы ее жизни. Она отправлялась в универсам «Pic 'N' Save» через дорогу от своего дома, чтобы купить сотню таких маленьких зеленых корзиночек для хранения клубники. У нее не было никакой клубники; она просто складывала эти корзиночки в углу. Иногда пожилой человек покупает увеличительное стекло, чтобы легче было читать; моя же бабушка закупала сорок штук таких луп и оставляла их в куче на полу. Ее крошечный дом и даже гараж были переполнены старыми газетами, журналами, безделушками и кусочками мусора, которые она не могла заставить себя выбросить.

В детстве я думал, что это довольно круто, что у моей бабушки были груды хлама, по которому я мог вскарабкиваться до потолка. Я не видел ничего плохого в том, что она просит меня замешать ей ром и колу, или в том, что, посещая моих родителей, она всегда выпивала в ту же минуту, как переступала их порог. В конце концов я понял, что ее алкоголизм и накопительство были симптомами более глубоких психических

проблем. Когда мой дедушка умер, не думаю, что бабушка тогда была достаточно эмоционально устойчива и материально обеспечена, чтобы собственноручно воспитывать моего папу и его брата.

Недавно я подтрунивал над своим отцом на тему того, что, когда я был ребенком, он так и не купил мне новый мотик и что я должен был собирать свой собственный байк из запчастей, которые откапывал в мусоре. Он сказал тогда, чтобы я затянул свой пояс потуже, и напомнил, что в детстве у него не было ни одной игрушки до двенадцати лет.

После того как умер его отец, он жил у разных членов семьи, но в конце концов обрел себе пристанище у дяди Джона и тети Флоренс где-то в северной части штата Нью-Йорк. Они были настоящей сладкой парочкой, любили природу и прогулки и бережно относились к моему отцу. У меня остались приятные воспоминания о семейных поездках к ним в гости: дядя Джон рассказывал о жизни растений, тетя Флоренс читала нам Стейнбека, а мой папа по-настоящему расслаблялся в их присутствии.

Но шрамы моего отца уходили глубоко за пределы этих мутных, слабо детализированных, первых лет его жизни без игрушек. Он пережил что-то такое, что навсегда закрыло его эмоционально.

Мои родители встретились на «свидании вслепую» и поженились совсем молодыми, потому что мама забеременела мной уже в семнадцать лет. Они поселились в Ла-Кресента, на окраине пригорода Лос-Анджелеса. Чтобы туда добраться, нужно пилить прямо на север, не доезжая до Национального лесопарка Анджелес. Спустя четыре года после моего рождения мать родила сестру Хеддер, двоюродный брат Терри переехал к нам, иначе он мог попасть в приемную семью*. Моя мама работала в библиотеке нашей начальной школы, а затем устроилась на работу в качестве школьной секретарши; отец занимался сварочными и сантехническими работами в нашем гараже, а затем открыл свою собственную мастерскую на той же улице.

Мой папа старался изо всех сил, но, к сожалению, в его старания были включены также пьянство и регулярные дозы словесного и психического насилия. Меня никогда не били (кроме случайного подзатыльника за непослушание), но меня также никогда и не обнимали. Я не помню ни одного раза, чтобы отец обнимал меня, когда я был ребенком. Я никогда не слышал «Я люблю тебя» когда-либо. И что бы я ни делал, я делал это неправильно.

«Черт подери, Эрик! Что за хуйня с тобой происходит?»

* Терри был сыном брата моего папы. Когда мой папа видел, как дядя начинает не оправдывать себя в качестве главы семьи, он переключался на Терри. Какими бы ни были недостатки нашей семьи, мой отец был уверен, что Терри лучше быть с нами, нежели затеряться в бюрократии системы. Я всегда восхищался бескорыстием своего отца, открывшего свой дом ребенку, которого спустя годы я считал своим братом.

ВАННА С ГЕПАТИТОМ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Сейчас мой папа — совсем другой человек, но отец, с которым я вырос, приводил меня в ужас. Все дети в нашем районе боялись его тоже. Он был 6 футов 4 дюйма ростом, весил 220 фунтов, был всегда сердитым и чаще всего пьяным. Когда он приходил домой с работы, я бежал к шкафу и сидел в нем в темноте, слушая, как он ураганом проходил сквозь дом, выкрикивая изо всей мочи: «Эрик!» Я вслушивался в то, как все больше и больше нарастает его гнев до тех пор, пока у меня не оставалось выбора, кроме как покинуть убежище. В такие моменты он заставлял меня вытаскивать сорняки или колоть дрова, пока не успокаивался.

Я всегда был раздражительным и нервным, потому что никогда не знал, что ожидать. Наорут на меня сейчас или проигнорируют? Быть в игноре — тоже отстой, но, как правило, это было более предпочтительным. Однажды он и его друзья выпивали в нашем гараже (это была по совместительству его сантехническая мастерская). Он позвал меня и, как только я вошел, схватил за пояс и подцепил за труссы краном, который он использовал для кантовки труб. Быстро взлетев в воздух, я долго крутился, как испанская пиньята, под вой его бухих приятелей.

Все, что я хотел, — это быть принятым; но все, что я получал, было принижением моего достоинства. В другой раз он позвал меня, когда он опять пил со своими друзьями в нашей гостиной.

— Иди сюда! Расскажи мне грязную шутку.

— Нет уж, я не собираюсь влипнуть в неприятности...

— Ты не влипнешь, все нормально, просто расскажи мне грязную шутку!

— Нет, я не хочу!

В конце концов он убедил меня, и я рассказал ему свою лучшую остроумную четвероклассника:

«У одной тетки было две собаки — одну звали «Вертисиську», а другую — «Смотрина». Однажды тетка мылась в душе, а ее собаки убежали на улицу. Она спохватилась и как выскочит на улицу голой, да как закричит: «Смо-три-на, Вер-ти-сись-ку! Смо-три-на, Вер-ти-сись-ку!»

Друзья моего отца рассмеялись. Мой папа этого не сделал. Схватив меня за загривок и оттащив меня в ванную, в гневе он вымыл мой рот мылом.

Мама всегда была миротворцем. Она была экспертом в том, как «не выносить сор из избы» и делать вид, что все в порядке, таким образом она находила в себе силы, чтобы совладать с алкоголизмом ее собственного отца по мере ее взросления. Она предупреждала меня, что если мой папа пьян или в плохом настроении, то я не должен попадаться ему на глаза. Мама также делала все возможное, чтобы компенсировать отсутствие той эмоциональной поддержки, которую я не получал от отца.